

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 6

(2221)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья «Пора наступать», опубликованная в журнале «Эксперт», № 1–3, 26 декабря 2022 – 22 января 2023 года.

Вологда
январь 2023

Пора наступать

В уходящем 2022 году Россия вступила, безусловно, в самое опасное и самое важное десятилетие своего развития. Окончательно расставшись с иллюзией возможности партнерства с Западом и вступив с ним в жесточайшую конфронтацию, мы оказались перед абсолютной необходимостью обеспечить себе широкий и устойчивый экономический и технологический суверенитет. Более того, свой безусловный политический суверенитет в это же десятилетие мы должны усилить за счет культурного и, шире, интеллектуального влияния на процессы формирования нового многополярного мира. Возможно ли это? Безусловно. Хоть это и трудная, и стратегически осмысленная работа.

С экономической точки зрения Россия в 2022 году показала поистине беспрецедентную устойчивость. Наш ВВП по итогам года провалится не более чем на 3 %, наш торговый и платежный балансы показывают рекордные величины (за январь – ноябрь профицит торгового баланса превысил 257 млрд долларов, платежного – 225,7 млрд), наша обрабатывающая промышленность растет с темпом 2,5 % в год, впервые за многие годы у нас высокий темп роста денежной массы и даже инвестиции, которые в условиях неопределенности должны были резко упасть, за январь – сентябрь увеличились на 5,9 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 года.

Есть мнение, что все эти достижения – случайность. Исключительно результат сырьевого характера нашей экономики. Но это, конечно, не так. Российская экономическая система отозвалась на санкционный и военный кризисы комплексно. Сырьевые рынки были удержаны от падения, в том числе за счет беспрецедентно быстрого расширения поставок сырья на новых – восточных – направлениях. Технологические лакуны, вызванные санкциями, стали быстро заполняться новыми источниками поставок, тоже с востока. За очень короткий, по сути, срок были мобилизованы мощности нашего ВПК и смежного с ним машиностроения, которые потянули за собой металлургию. Заказы в этой части экономики выросли кратно – в три раза и более. Даже потребительский рынок, казалось бы крайне

чувствительный к кризисам такого масштаба, не испытал шока, сколько-нибудь похожего на шок 1998 года. Компании, обслуживающие потребительский сектор, начали быструю перестройку: торговцы – поиск нового предложения на Востоке и внутри страны, производители – захват ниш, освобожденных ушедшими представителями западных компаний.

Перечисление этих позитивных сдвигов по итогам года кажется банальным (ничего же революционного не произошло), но, во-первых, надо вспомнить об апокалиптических прогнозах начала года, а во-вторых, такая многогранная и энергичная реакция системы свидетельствует не просто о ее живучести, но о настоящей силе. В конце 1990-х модной среди экономистов и социологов России была тема «Почему не умер русский народ?». А ответом было исследование способов выживания в 1990-е российской провинции. Сейчас для экономистов-теоретиков должна стать актуальной задача понять и зафиксировать в моделях, за счет какого системного свойства оказалась столь успешной и устойчивой в кризис российская экономика.

Куда мы будем развиваться дальше и что надо сделать, чтобы занять очень сильные экономические позиции в новом мире? Об этом мы пишем в этом номере «Эксперта».

Коротко: четыре необходимых ингредиента.

Первое. Пора забыть о том, что у нас маленький рынок и поэтому мы ничего экономически эффективного сделать не можем. Производя свою продукцию, надо помнить, что рядом быстрорастущие рынки Азии, Африки и Ближнего Востока. Стратегии успешных компаний текущего года строятся на этом понимании.

Второе. Надо забыть, что мы не можем сами производить что-то сложное – станки или тонкую химию. Существует доказанная теория, что страна может быстро восстановить любой сегмент экономики, где она присутствовала на протяжении последних 50–60 лет. Это происходит за счет сохранения компетенций и образовательных систем. СССР имел и станкостроение, и специализированную металлургию, и тонкую химию. Все это можно восстановить за несколько лет. Например, компания «Технониколь»,

до сих пор закупавшая только лучшее западное оборудование, в ожидании санкций создала конструкторское бюро и уже способна сама производить необходимое оборудование.

Третье. Надо сохранить относительно низкие цены на энергетические ресурсы внутри страны (электроэнергию, газ, нефть) и крепкий рубль. Это факторы нашей конкурентоспособности, которые будут автоматически привлекать сюда капитал и квалифицированные кадры со всего мира. Очевидцы 2000-х говорят, что до девальвации рубля так и было в России. Это очень важная тема, поскольку российский крупный капитал и бюджет не видят такого макроэкономического эффекта и стремятся сохранить свою индивидуальную эффективность теперь за счет внутреннего рынка. Этого нельзя допустить. Сейчас

и бюджет, и сырьевые компании должны давать ресурсы для роста обрабатывающей промышленности.

Четвертое. Россия может предложить развивающемуся миру новый формат технологического сотрудничества. Об этом в интервью «Ждет ли Россию технологический коллапс?» на стр. 66 говорит Дмитрий Белоусов. Формат, открытый для совместных исследований и свободной интеграции результатов в национальные хозяйства участников. Научный и инженерно-технологический человеческий капитал России позволяет ей сделать это и стать центральным интеллектуальным элементом такой новой технологической институции.

На экономическом фронте время для отступления и обороны давно прошло. Пора наступать.